

И. А. ИЛЬИН

Родина и мы

1

Как тяжело утратить родину... И как невыносима мысль о том, что эта утрата, может быть, состоялась навсегда... *Для меня* навсегда, ибо я, может быть, умру в изгнании...

От этой мысли все становится беспросветным: как если бы навсегда зашло солнце, навсегда угас дневной свет, навсегда исчезли краски дня... и никогда больше не увижу я цветов и голубого неба... Как если бы я ослеп или — некий голос грозно сказал бы мне: «Больше не будет радостей в твоей жизни; в томлении увянешь ты, всем чужой и никому не нужный...»

Кто из нас, изгнанников, не осязал в себе этой мысли, не слышал этого голоса? Кто не содрогался от них?

Но не бойтесь этого голоса и этого страха! Дайте им состояться, откройте им душу. Не страшитесь той пустоты и темноты, которые прозяют в вашей душе. Смело и спокойно смотрите в эту темноту и пустоту. И скоро в них забрезжит *новый свет*, свет новой, *подлинной любви к родине, к той родине, которую никто и никогда не сможет у вас отнять*. И тогда вы впервые многое поймете и многое вам откроется. И ваше изгнанничество перестанет быть пассивным состоянием; оно станет *действием и подвигом*: и свет не погаснет уже никогда.

Я помню, как осенью 1922 г. в Москве, когда «вечное изгнание под страхом расстрела» было уже объявлено мне и оставались одни формальности, ко мне пришел проститься один из приятелей и произнес мне надгробное слово: «Вы, — говорил он, — конченный человек; вы неизбежно оторветесь от России и погибнете... Что вы без родины? Что вы можете без нее сказать или сделать? Уже через несколько месяцев вы не будете понимать того, что здесь совершается, а через год вы будете совсем

чужды России и не нужны ей... Иссякнут ваши духовные родники... И вы станете несчастным, бесплодным, изверженным эмигрантом!..»

Я слушал и не возражал ему: он не видел дальше «пустоты и темноты»; он думал, что родина исчерпывается *местопребыванием и совместным бытом*, его патриотизм питался повседневностью; его любовь нуждалась в ежедневном подогревании; «русскость» его души была не изначальной, а привитой; он видел Россию не из ее священных корней и судил обо мне по себе. И, зная это, я не надеялся поколебать его в прощальной беседе...

Мы, русские, мы, белые, все мы, вынужденно оторвавшиеся от нашей родной земли, мы *не* оторвались от нашей *родины* и, слава Богу, никогда не сможем оторваться от нее. Всмотритесь и вслушайтесь в «пустоту» нашей тоски и в «темноту» нашей скорби: ведь мы сами — *живые куски* нашей России; ведь это *ее* кровь тоскует в нас и скорбит; ведь это *ее* дух молится в нас, и поет, и думает, и мечтает о возрождении, и ненавидит ее врагов. Почувствуйте это: *она в нас*, она всегда *с нами*, мы слеплены из ее телесного и духовного материала; и она *не может* оторваться от нас так же, как мы *не можем* оторваться от нее. И куда бы ни забросила нас судьба, в нашем лице дышит, и молится, и поет, и пляшет, и любит стихия нашей родины. И, когда мы говорим, просто *говорим*, произносим русские слова, разве это не *ее* дивный язык (о, какой несравненный!) благовестит о ней и нам, и другим народам?..

Какие человеческие законы, какие бытовые уклады могут оторвать меня от моей родины, когда я, может быть, самый последний из ее сынов, *соткан из нее* и изменить это мог бы только тот, кто переплавил бы всего меня заново? «Эмиграция», «изгнание» меняют наше местопребывание и, может быть, наш быт; но они бессильны изменить *состав, и строение, и ритм* моего тела и моего духа. Посмотрите, как мы, русские, узнаем друг друга по походке, выражению лица, по произношению, по улыбке, по манере одеваться, — всюду: и в горах Тироля, и в Нью-Йорке, и на аванпостах африканской армии. Все чувства наши обострились в изгнании для всего, что *наше*. Ширью, легкостью, простотою, искренностью, добротою, глубиною чувства, мечтательностью, даровитостью, темпераментом наделила нас Россия, — и все это слагает особый аромат бытия и быта... И нам, слава Богу, никогда не утратить этого!

За «пустотою» и «темнотою», там, глубже, в каждом из нас скрыто некое сокровище, светящийся клад русского национально-духовного опыта — религиозного, и нравственного, и

художественного, и государственного. Убедитесь в этом, воззовите туда голосом скорби и внимайте ответу. Подумайте про себя из глубины, сосредоточенно, молча: «светлая заутреня»; «всенощная»; «панихида»; «Сергий»; «Гермоген»; «Кремль»; «Куликово поле»; «Пожарский»; «Киев»; «Москва»; «Петр»; «Пушкин»; «Гоголь»; «Достоевский»; «наша песня»; «наша армия»; «наши монастыри»; «Оптина Пустынь»; «коронование» — — —¹ и никогда после этого не говорите и не воображайте, что вы «оторвались» от родины...

От родины оторваться нельзя! Можно жить на свете, не найдя своей родины: мало ли их, безродных, теперь; всюду они мутят, желая привить другим свое убожество. Но кто раз *имел* ее, тот *никогда* ее не потеряет, разве только сам предаст ее и не посмеет покаянно вернуться к ней... А нам всем родина дала уже, *дала раз навсегда* не умирающее и не истощающееся богатство, в нас самих укрытое, всюду нас сопровождающее, дар навеки...

Конечно, это верно: что я без моей родины, которая *это* создала и *это* дала мне навеки? Да, но разве какое бы то ни было изгнание может отнять это у меня? Разве эти алтари не живут *во мне самом* и я не могу в любой момент обратиться к ним мою любовь, и мою гордость, и мою благодарность, и мою молитву? И какая «денационализация» страшна мне и моим детям, если я постоянно — трепетом моего сердца и огнем моей воли — молюсь у этих алтарей и учу тому же моих детей?

Но тогда где же «пустота» и «темнота»? Да, я оторван от родной земли; но *не от духа, и не от жизни, и не от святынь* моей родины, и ничто и никогда не оторвет меня от них!..

И вот, смотрите: «состояние» изгнанничества становится *заданием, действием и подвигом*. Мы должны найти в себе, углубить и укрепить свою русскую природу, свою «русскость» так, чтобы через «пустоту» и «темноту» видимого и мнимого «отрыва» от России засиял свет *подлинного единения и глубинного единства с нею*. Мы оторваны от родной земли именно для того, чтобы *найти в себе самих родной дух*, тот дух, который строил Россию от Феодосия Печерского и Владимира Мономаха до Оптиной Пустыни² и Белой армии. И родная земля вернется нам только тогда, когда огонь этого духа загорится и в нас, и в оставшихся *там* братьях наших; загорится — и вернет нам нашу землю, и наш быт, и нашу государственность...

Где-то в мудром решении Божиим установлено так, что человек *находит* через *утрату*, прозревает в разлуке, крепнет в лишениях, закаляется в страдании...

Кара ли это? Возмездие ли?

Не милость ли? Не помощь ли?

Когда же, когда возрастал и окрылялся человек в легких, дешевых, слишком человеческих утехах?

И разве не на сильного и не на любимого возлагается более тяжкий крест?

Нам задано обрести родину через утрату ее; увидеть ее подлинный, прекрасный лик в разлуке; окрепнуть и закалиться в изгнании; и подготовить свою волю и свое разумение к новому строительству нашей России.

Верьте: кому дано *призвание*, тому дан и *обет*.

Окиньте же умственным взором пути нашей общей белой борьбы и каждый — свою личную судьбу; и постигнете — и наше призвание, и тот обет, который таинственно скрыт за призывом... Обет возврата и возрождения.

2

Мы, белые изгнанники, — не беглецы и не укрывающиеся обыватели. Мы не уклонились от борьбы за Россию, но приняли ее и повели ее всею силою, и любовью, и волею.

И ныне заявляем — пусть слышат и друзья, и враги: *борьба не кончилась, она продолжается.*

Она окончится только с освобождением и восстановлением России. И тогда от этой борьбы останется драгоценное наследие: выделившийся и сплотившийся кадр белых патриотов, белая традиция, белая идея. Белая армия станет творческой основой, ферментом, цементом русской национальной армии — и в недрах ее она сделается *орденом чести, служения и верности*. И этот орден возродит не только русскую армию, но и русскую *гражданственность* — на основах *верности, служения и чести*.

Но для этого мы, белые, должны прежде всего соблюсти *свой дух и самих себя*.

Я не говорю: «себя» и «свой дух»; а в обратном порядке: *дух и себя*. Потому что дух важнее соблюсти, чем личную жизнь...

Тот, кто сберег свою жизнь, но не соблюл духа, тот не борец и не строитель родины. Что ему русская армия? Что он России? С чем вступит он в грядущий орден? Какую понесет и передаст традицию?

Нет, наша задача *не* в том, чтобы пережить этот трудный период *во что бы то ни стало*, это значило бы все продеше-

вить, растерять и погубить. Но в том, чтобы пережить этот период, *оставшись белыми*, сохранив белый дух, дух чести, служения и верности.

Мы должны соблюсти, во-первых, *дух чести*, ибо *Россия погибла от бесчестия* и возродится только через честь.

Я разумею прежде всего общечеловеческую честь — *живое чувство собственного достоинства*, уважение к себе и к своим алтарям; отвращение ко всяческой кривизне; прямоту характера, слова и поступка; имущественную честность. Я разумею, далее, *воинскую честь* — достоинство солдата; уважение к воинскому званию и призванию; живое осязание той благой цели, для которой воину дан меч; культ воинской доблести и славы. Я разумею, наконец, государственную честь — достоинство русского гражданина, неотделимое от достоинства России; уважение к исторической государственности, строившей нашу чудесную родину; живое осязание самого себя в единстве со своей родиной; памятование о том, что мы — ее аванпост и что по нас судят о ней.

Мы должны соблюсти в себе, во-вторых, *дух служения*, ибо *Россия погибла от безразличия и своекорыстия* и возродится только через служение.

Я разумею тот дух патриотической преданности, который подчиняет все личные и классовые цели — благу родины; я разумею *рыцарственный дух* бескорыстия, свободной жертвенности, добровольного подчинения, дисциплины и бесстрашия; я разумею то состояние души, когда любовь родит сильную и неподкупную волю, воля ведет к поступку, а поступок строит родину; когда чувство долга становится второй природой, а вера в свое призвание ведет к подвигу.

Мы должны соблюсти в себе, в-третьих, *дух верности*, ибо *Россия погибла от душевной смуты, двоедушия и предательства* и возродится только через верность.

Верным может быть только тот, кто чему-нибудь *религиозно предан*, кто в чем-нибудь безусловно и окончательно *убежден*, кто испытывал нечто с полной очевидностью, так, что душа его становится *одержима* тем, что ему очевидно. У человека безыдейного и безверного нет и верности; в нем все неясно, сбивчиво, смутно — в нем смута и шатание, и поступки его всегда на кануне предательства.

Бесчестие, своекорыстие и смута — безрелигиозность и бесхарактерность — погубили Россию; и возродится она *честью, служением и верностью*. Эти три великие основы русского православного правосознания с самого начала создали, спаяли и

укрепили Белую армию; ими она жила, за них боролась, ими побеждала. Благодаря им и через них она непобедима, ибо они слагают вместе тот дух, тот воздух, которым будет дышать и жить возрождающаяся и возрожденная Россия. Это есть как бы та «живая вода», которою должно быть впрыснуто «мертвое тело» нашей родины...

И какой бы «строй» ни установился в России после перелома, какие бы люди ни оказались «во главе», какие бы «программы» ни восторжествовали, Россия будет существовать, расти и цвести только тогда, если в ней воцарится дух чести, служения и верности; ибо дух бесчестия, жадности и предательства поведет ее опять по путям революции, распада, «переделов», «социализма» и «интернационализма» — по путям позора и бессилия. Мудрые понимали это и раньше; ныне разумеют это все, в ком живо непристрастное разумение. Для нас же, белых, это *аксиома*.

И еще в одном мы можем быть уверены: если в России возобладает дух *чести, служения и верности*, то она станет *монархией*. Ибо этот дух — дух единения, достоинства, дисциплины, порядка, честности и верности — породит *сильную, законную, несменяемую, сверхклассовую национальную власть, свободно и доверчиво любимую народом и воспитывающую его через честь к свободе и через собственность к труду*.

* * *

Соблюсти этот дух — значит для нас соблюсти верность тем знаменам, которые мы развернули восемь лет тому назад, — одни на юге, другие в Сибири и на севере, третьи в Москве, — и которые мы привезли с собой на чужбину; это значит соблюсти дух Белой армии — одно из лучших достояний и наследий русской духовной культуры.

Именно об *этом* говорю я: *это* важнее соблюсти, чем личную жизнь; ибо тот, кто умер белым, продолжает служить России и в смерти, самой смертью своею; а тот, кто отрекся от этого духа и этого дела, тот будет доживать свою жизнь или служителем бесчестия и предательства, или потатчиком жадности и разложения.

Наша задача в том, чтобы, несмотря ни на что, остаться у белого знамени; чтобы остаться белыми, не становясь ни черными, ни желтыми, ни красными.

Ни *черными*: теми, кто тянет направо во имя личных, групповых или классовых интересов; кто хотел бы принести русско-

му простому народу — месть, темноту и покорность; кто думает строить государство на мертвой букве и пустой форме; кто мечтает о политической и социально-имущественной реставрации и готов идти «хоть с чертом» (т. е. в соглашении с большевиками, если бы они того захотели) против революции.

Однако нам нельзя забывать и о грани между нами и *желтыми*: теми, кто долго подготовлял революционное крушение России и, в 1917 г. став у власти, обеспечил победу коммунистам; кто предал на растерзание русское офицерство; кто на юге «подготовлял террористические акты против вождей белого движения» *; кто преследовал наше Галлиполи³ голодом, пропагандой, инсинуацией и клеветой; кто ничего не понял и ничему не научился и ныне желал бы заразить нас своим непротивленчеством, соглашательством и всяческим полубесечтием.

И в то же время нам надо всегда помнить, что главная беда в *красных*: в тех, для кого покоренная Россия не отечество, а лишь плацдарм мировой революции; в тех, кто разжег и *возглавил собою* дух бесчестия, предательства и жадности, кто поработил нашу родину, разорил ее богатства, перебил и замучил ее образованные кадры и донныне развращает и губит наш по-детски доверчивый и неуравновешенный простой народ. Надо постоянно помнить о том, что такое сознательно обдуманное, организованное и нестыдящееся выступление зла *мир видит впервые* и что силою исторических судеб Белая армия стала основоположником и пионером борьбы с этим невиданным злом.

Пять лет прожил я в Москве при большевиках: я видел их работу, я изучил их приемы и систему, я участвовал в борьбе с ними и многое испытал на себе. Свидетельствую: это растлители души и духа, безбожные, бесстыдные, жадные, лживые и жестокие властолюбцы. Колеблющийся и двоящийся в отношении к ним — сам заражен *их* болезнью; договаривающийся с ними — договаривается с дьяволом: он будет предан, оболган и погублен. Да избавит Господь от них нашу родину! Да оградит Он от этого позора и от этой муки остальное человечество!..

Белая армия была *права*, подняв на них свой меч и двинув против них свое знамя — права пред лицом Божиим. И эта работа, как всякая истинная правота, измеряется мерилom *жизни и смерти*: лучше умереть и мне, и моим детям, чем принять красный флаг за свое знамя и предаться красному соблазну как якобы «благому делу». Лучше не жить, чем стать красным.

* Ген. А. И. Деникин. Очерки русской смуты. Т. IV. С. 207.

Лучше медленно умирать в болезнях и голоде, чем принять это зло за добро и отдать свои силы этому злу. И если бы дело обстояло так, что мы были бы вынуждены выбирать между большевизмом и смертью, то естественно было бы предпочесть смерть; но не смерть самоубийцы, а смерть борца, с самого начала открыто предпочтенную белыми.

Нам всем надлежит измерять *верность* нашей жизни и силу нашей *преданности* перспективою близкой смерти борца. Стоит ли жить тем, чем я живу? — стоит, если за это стоит умереть... Предан ли я тому, чему я служу? — предан, если я способен и готов умереть за это дело. А если мне будет «грозить» не смерть героя в бою, а медленное, незаметное умирание от лишений, голода и болезней, — пойду ли я на бесчестие, унижение и предательство? — не пойду, если родина во мне и со мною; а если пойду, то это значит, что я заблудился в «пустоте» и «темноте» и не нашел в себе алтаря моей родины.

Не правы те из нас, кто не проверяет себя такими вопросами, кто уклоняется от такого смотра и ревизии; ибо он рискует медленно и незаметно опуститься ниже уровня нашей борьбы, он рискует потерять необходимую для нее спартанскую выдержку и закаленность.

Не от нашего выбора зависело стать современниками великого крушения России и великой мировой борьбы; не мы повинны в том, что злодейство создало это крушение и распаляет эту борьбу; не мы — насильники, и не мы ищем гибели и крови. Историческая сила вещей вложила нам в руку меч, и мы взяли его, следуя зову чести, служения и верности. История обернулась к нам своим *трагическим* ликом; она поставила нас свидетелями не идиллии и не эпоса, а *трагедии*, и нам оставалось только выйти из состояния зрителей и стать участниками этой трагедии. Могли ли мы, должны ли мы были уклониться от этого? *Смели* ли мы отвернуться от этой трагедии и не принять этого меча? Спросим об этом в сотый, в тысячный раз нашу любовь к России, *нашу русскую честь и русскую верность*. И в сотый, и в тысячный раз насладимся тем благодатным успокоением и равновесием, которые даются *чувством духовной правоты*.

Нам надо понять и помнить, что неисповедимые пути Божии поставили нас участниками небывалой по остроте и по размаху мировой борьбы. Нам надо исторически расширить и углубить наш горизонт, чтобы увидеть правоту и ответственность нашей позиции — нашего поста; и чтобы, усвоив его почетность и его трудность, держать на надлежащей высоте *чистоту наших решений и силу нашего характера*. Нам надо всегда помнить, что

мы — независимо от того, понимают это другие или не понимают, — что мы волею судеб оказались *авангардом мировой борьбы* и что каждый из нас должен быть на высоте этой борьбы и ее целей.

Да, нужно время и нужны испытания для того, чтобы другие народы постигли то, что нам ясно уже восемь лет, — постигли и ужаснулись; чтобы они сделали те усилия и приняли те решения, которые созрели и состоялись в наших душах восемь лет тому назад. Но смотрите: время уже идет, и испытания уже приходят и научают; предчувствия уже превращаются в тревогу, тревога уже пробуждает разумение и вызывает волевые решения. Смотрите, как сложились патриотические силы в Венгрии, Италии, Испании и Болгарии, как движение, подобное нашему, назревает и организуется в Англии, во Франции и в Германии⁴. Это не значит, что все и всюду на высоте, что спасение найдено, что нет ошибок, что не будет потрясений и крови; но это значит, что дело, начатое нами в 1917 г., и путь, избранный тогда нашими вождями, есть дело *общечеловеческое* и путь *классический* в своей необходимости и правоте. Народы или пойдут этим путем, или погибнут.

Мы не знаем сроков и не можем предвидеть события. Но близится час, когда народы поймут, что в избавлении и возрождении России они все заинтересованы до конца; что в этом они все заинтересованы *порознь и сообща*, что они в этом *солидарны*; что здоровая и самобытная национальная Россия *необходима миру*... И тогда придет час обнаружения нашей правоты, час увенчания нашего дела. Тогда многое поймется, многое будет духовно признано, многое утвердится государственно и совершится исторически.

К этому часу мы должны быть духовно готовы и сильны. Соблюсти себя к этому часу есть наше основное *патриотическое задание*; и тот, кто ныне работает в этом направлении, делает свое *главное жизненное дело*.

Скитаясь здесь, за границей; работая то в конторе, то в шахте, то на заводе, то на туземной службе, еле прокармливаясь, недоедая и болея, но *соблюдая белый дух*, мы этим, *одним этим*, уже блюдем и строим нашу Россию. Бедствующий изгнанник, живой духом, — одним тем, что он жив духом, уже служит России драгоценную незаменимую службу. Ибо он сам — живой кусок России, ее хранилище, ее драгоценный орган. Или иначе: он как бы ее оружие, временно сложенное ею в арсенал. Роптать ли нам на нашу родину за то, что она, погибая, не нашла для нас лучшего арсенала, чем изгнание? Блюдайте же в

себе, в своем лице это оружие, чтобы оно не заржавело; ибо заржавевшее оружие никому не нужно. Не нужно и России.

Берегите свои *силы*, не тратьте их зря. Если *есть* выбор, то выбирайте труд, хотя бы и скучный, но не грозящий жизни. Помните, что жизнь *каждого* белого драгоценна для родины; что *каждый* из вас *незаменим* для нее; что смерть и без того уносит нас и что не следует торопиться ей навстречу. Берегите друг друга; помогайте друг другу перейти на неизнуряющий труд; крепко держите белую спайку.

Берегите свою *бодрость и веру*. Не верьте злым и лукавым разговорам о том, что Белая армия «потерпела неудачу», что дело ее «кончено» или «обличено и приговорено», не верьте им, откуда бы они ни раздавались, справа или слева, от явных или прикровенных соглашателей. Наша победа в том, что после всего вынесенного и выстраданного мы *сохранили любовь, веру и волю*; а способность нашей любви, веры и воли изливаться в дела и достижения — уже не требует доказательств.

Берегите нашу *идею* и верьте нашим *вождям*. И тогда терпение и выдержка довершат остальное.

3

Теперь уже нетрудно ответить на вопрос о том, что же нам делать и на кого нам надеяться? Ответ складывается сам собою, и я уверен, что по-прежнему среди нас не будет разноречий и споров.

1. Прежде всего: во что бы то ни стало стать на свои ноги в смысле трудового заработка, и притом так, чтобы на время изгнания войти полезной и ценной трудовой силой в туземный строй и оборот. Если надо, то экономически и культурно приспособиться к заграничному спросу и предложению; если необходимо, то переехать в другую страну; если неизбежно, то уехать за море.

Нам нельзя надеяться на «авось» или на «теперь уже скоро»; нельзя оставаться безработными; нам не следует становиться в положение «призреваемых». Надо, чтобы нас уважали там, где мы живем, и чтобы нас ценили там, где мы работаем. Белый изгнанник должен соблюсти свою трудовую и бытовую *независимость* как внешний оплот своего *достоинства*, он не может ставить себя в положение растерянности и беспомощности перед лицом тех, которые захотят купить его «партийность», или

его «вероисповедание», или его «подданство». Мы должны иметь возможность *независимо и достойно выждать совершения сроков*, а для этого не следует ни пессимистически унывать, ни оптимистически фантазировать. Надо найти свое место в реальной жизни и постоянно помогать в этом *другим*.

2. Мы не должны надеяться ни на кого, кроме *Бога*, наших *вождей и себя*.

Не потому должны мы надеяться на себя, что мы самомнительны и заносчивы, а потому, что мы люди *воли*, и служим делу *правому*, и всегда зовем на помощь Того, в Чьей руке всякое правое дело. Дело освобождения и возрождения России есть *наше* дело, и оно будет выполнено *нашими* силами и *нашими* руками.

Нам надо всегда помнить, что на чужие силы надеется лишь *безвольный* человек, а безвольный человек *не победит никогда*. Победа вообще возможна только как деяние самого побеждающего, а не чужой силы; побеждает *его* воля, *его* сила, *его* усилие, *его* акт, а не «стечение обстоятельств». Победа безвольного есть пустая видимость; для безвольного самая победа есть разновидность поражения, которая вот-вот обнаружит всю его немощь... Если он случайно «победит», то не сумеет *взять* свою победу, если он случайно «возьмет» ее, то *не удержит*...

Нам надо всегда помнить, что затруднение и неудача ослабляют силу безвольного человека и *укрепляют силу волевого*. Чего можно ждать от существа, которое «заранее предвидит», что «затруднения будут непреодолимы»? Такие люди просто *мечтают* о непреодолимых затруднениях, для того чтобы тотчас провозгласить их непреодолимость и успокоиться! Обратному этому живет и чувствует волевая натура: «не удалось — значит, мало сил собрал, значит, соберу их вдвое»... «непреодолимо — значит, не так взялся, момент не выбрал, значит, найду верный способ и выберу верный момент»... Затруднение заставляет волевого человека извлечь из самого себя еще большие силы, чем он извлекал доселе, — и только.

Волевому человеку надо иметь только *Бога в сердце, царя в голове и вождя впереди*. И тогда он борется не «постольку, поскольку», а без оговорок; не по принуждению, а добровольно; не по должности, а всей душой; не напоказ, а честно и грозно. Он отдает все, чтобы взять все, т. е. осуществить всю свою цель и удержать ее.

Нам надо всегда помнить, что в деле избавления и возрождения России будет сделано не то, что «люди» сделают, а то, что *сделаем мы сами*.

3. Мы должны укреплять и закалять свои душевные силы, приобретая умение *молиться, не бояться, молчать*, вести *конспиративную работу, хладнокровно готовить и наносить удары в борьбе*.

Кто хочет быть *сильным* в борьбе со злом, тот должен молиться, ибо молитва есть живое *единение* с абсолютным *Благом* и абсолютною *Силою*. Всякий из нас может впасть в заблуждение: молитва очищает душу, отверзает ее духовные очи и возвращает ее на верный путь. Всякий из нас может устать, изнемочь и впасть в уныние: молитва дает силу, бодрость и мужество.

Силен тот, кто не боится одиночества; но одиночество по силам лишь тому, кто может молиться. Молитва дает власть над самим собою, а в этом первая основа настоящего характера.

Время изгнания дано нам для укрепления в себе *духовного характера*, силы воли, несломимой в преданности Божьему делу.

Эта сила нужна нам для борьбы с врагом. Наш враг лукав, бесстыден, изощрен и многообразен. Это нам надо всегда помнить и потому всегда *владеть своими словами и внешними проявлениями*. Нельзя выдавать врагам ни себя, ни друзей, ни дела; надо приучить себя к осторожному и выдержанному самообладанию во всем, что касается нашей борьбы.

Хотим мы того или не хотим — мы, белые, уже состоим в сговоре и заговоре (конспирации) против врага нашей родины. Это необходимо продумать, усвоить и принять. Знайте: девяносто процентов заговоров против большевиков провалилось в России *вследствие неумения молчать* и работать *незаметно*: это неумение свело в могилу десятки тысяч благородных, но неискusstных людей; и нам пора сделать из этого теоретические и практические выводы, ибо не умеющий молчать и незаметно работать не может стать участником будущего ордена.

Конспирация имеет свои правила; из них первое: говорить о деле не там, где «хочется» или «можно», а только там, где это необходимо, где без этого пострадает дело.

Правила конспирации необходимо добыть, продумать и практически усвоить: никто не знает, через какие стадии борьбы нам еще предстоит пройти в будущем.

4. Мы должны всегда и во всем искать людей, которым можно *безусловно доверять* и с ними устанавливать *связь безусловного доверия*.

Безусловного доверия заслуживает человек *белого образа мыслей*, если он *искренен и силен*. Знаю, что «чужая душа потемки» и что люди легко обманывают и обманываются; знаю,

что черные, желтые и красные ищут нашего сочувствия и доверия и что многие из них уже начинают «хвалить» Белую армию для того, чтобы спровоцировать наше доверие и сочувствие... Но есть испытанные друзья, есть зоркие вожди, есть чуткие души. Необходимо проверять друг друга и помнить правило: при сомнении воздержись.

Люди *по-своему* добрые, *по-своему* благонамеренные, *по-своему* привлекательные могут найтись всюду, во всех течениях и группах; но для них достаточно *условного доверия*. Для безусловного доверия необходимы все три условия: верность белому делу, неспособность к двоедушию и сила воли. Четвертое условие — конспиративный навык приобретется сообща.

5. Мы не должны поддаваться *никогда и никому*, кто пытается *ослабить* в нас *стойкость белого сердца* или *скомпрометировать белую идею*.

Что бы они нам ни говорили, чем бы нас ни смущали, какие бы «открытия» или «откровения» нам ни преподносили.

Основным вопросом пути будет всегда: признают ли они *безусловно* правоту Белой армии, белого дела, белой идеи? И если ныне признают, то признавали ли *с самого начала*? И чем реально проявили это в годы борьбы? Эти вопросы сразу осветят собеседника: того, кто умалчивает, недоговаривает, двоится, лукавит или лжет; кто идет к нам в качестве льстивого демагога или хитрого провокатора.

В основном, родовом, лоне белой идеи есть место и свобода для *различных* настроений, симпатий и воззрений; но нет в ней ни места, ни свободы для построений, отрицающих и подрывающих самую белую борьбу и белую идею. В белом сердце есть *неоспоримые аксиомы*; не признающий их пусть выговаривает свое отрицание открыто; умалчивающий и двусмысленный пусть будет разоблачен.

Все эти «приходящие» и «манящие» в большинстве случаев ищут для себя покорную аудиторию, партийных последователей, подвластный кадр; и поэтому их основная задача — незаметно исказить белую идею так, чтобы увести пропагандируемого от *наших* вождей и *нашего* дела: «это хорошо, что вы до сих *<пор>* делали, но *теперь* это устарело и вы должны найти себе лучших вождей! Вот, например, мы»... мы, «легитимисты», или «демократы», или «республиканцы», или «социалисты» и т. п.

Мы всегда узнаем их по этому зазыванию, по предлаганию новых вождей, новой ориентации, новых партийных или чисто политических подчинений. Знайте, что им нужно не дело России, а *партийные штыки*...

Ответ им всем один: «белая идея, белое дело, белые вожди»!

6. Каждый из нас про себя должен умерить или побороть в себе самом *жажду чести и власти*, памятуя, что к власти истинно призван не тот, кто проталкивается и интригует, а тот, кто умеет за совесть работать в подчинении, тот, к кому власть приходит сама.

Белому борцу подобает молиться так: «...не надо мне ни заслуг, ни власти, ни чести, но только помоги нам, Господи, спасти нашу Россию!..»

7. Всюду и всегда, про себя и в общении, с друзьями и публично, нам надо вынашивать, углублять и развертывать нашу *белую идею*.

Эта идея дана нам; она живет в каждом из нас. Она добыта нами в борьбе, в усилиях и страданиях перед лицом смерти; она живет в глубине нашего чувства и воли; но живет как бы в нераскрытом, нераспустившемся виде. В противоположность то разнузданным, то рыхлым и беспринципным натурам, творившим революцию и смуту, белый воин имеет в себе освященный и неразрушимый *духовный Кремль*. Не бойтесь признать это и выговорить; не стыдитесь этого преимущества и этой силы; спокойно утверждайте ее в себе и не презирайте тех, кто ее лишен. Но не давайте этой энергии и этой силе растратиться на борьбу с повседневностью; не позволяйте быту одолевать бытие; не допускайте того, чтобы время, страсти, изгнание и болтовня врагов омрачили белую купину вашего сердца.

Для этого надо чаще и увереннее возвращаться к этому огню; пытаться уловить, выговорить и формулировать ту *идею-силу*, которая вела нас, ведет ныне и будет вести и впредь.

Родина? Что есть истинная родина? И разве патриотизм не имеет своих извращений?..

Россия? Чем велика, самобытна и священна наша Россия? Что есть в ней такого, что делает ее великою для *всех* других народов?..

Государственность? В чем состоит настоящая здоровая государственность по содержанию и по форме?..

Честь и достоинство? А почему же говорят иногда, что смирение и покорность выше достоинства и чести?..

Право и свобода? Но разве всякое право священно? И разве государство не урезывает свободу человека?..

Меч против злодея? А почему же многие доселе вопиют о «греховности» меча и, ссылаясь на Евангелие, рекомендуют «кроткую уступчивость»?..⁵

Собственность и семья? Но разве «братская общность имуществ» не есть «высшее» слово человеческого «развития»?..

Православие? Но разве у протестантов не больше «свободы»? А у католиков — не больше «воли» и «организованности»? В чем же духовные преимущества Православия?..

...Не потому ставлю я эти вопросы, что сомневаюсь в их верном разрешении; а потому, что ответы на них должны быть у белого готовы, и не только в сердце, но и в сознании и на языке.

Не бойтесь этих вопросов. Ваше сердце *уже* ответило на них. Но эти ответы нужны в зрелом виде; и для вас самих, и для ваших братьев по изгнанию, и для ваших братьев, томящихся там, в большевистской смуте.

Время есть еще: испытайте, думайте, читайте, обсуждайте, учитесь неопровержимо спорить с хитрыми и изворотливыми врагами. Организуйте кружки и общества, ищите докладчиков, вооружайтесь мыслью и словом. Впереди духовно больная, духовно голодная и беспомощная Россия.

8. Всюду и всегда, про себя и в общении, с друзьями и публично, нам надо углублять и утончать наше разумение *революции*, ее природы вообще и ее *разрушительного действия в России* в особенности.

Мы должны верно и точно знать, с *чем* мы боролись и боремся. Белые никогда не были и не будут классовой или сословной организацией; они никогда не отстаивали чьего-нибудь сословного или классового интереса. Они боролись не «с Россией», а *за Россию*. Они боролись не с «народом» и не с «простонародьем», а за единое, сверхклассовое, всенародное, *национальное* русское дело; они боролись с людьми, которые, *не* будучи русскими, превращали русское простонародье в *чернь*, а русский народ в *рабов*. Белая идея есть не идея *мести*, а идея *воссоединения и примирения*, она содержит не *реставрацию* (восстановление бывшего), а *возрождение*, не порабощение, а *освобождение*.

И тем не менее белая идея не революционна, а *противореволюционна*. Ибо революция есть духовная, а может быть, и прямо душевная болезнь. Революция есть развязание безбожных, противоестественных, разрушительных и низких страстей; она рождается из ошибок правящей власти и из честолюбия и зависти подданных; она начинается с правонарушения и кончается деморализацией и гибелью.

Вот почему белые боролись с революцией и революционерами, но не с теми патриотами, кто искал права, справедливости, хозяйственного и духовного развития масс. Мы не партия и ни-

какой партийной программой не связаны. Мало того, в белом движении заложена *надпартийная и противопартийная* тенденция. И тем не менее мы категорически отрицаем право на существование за партиями, явно или тайно отрицающими родину: это не русские партии, а враги России.

Чем была наша родина? И чем стала она после возвышения этих партий? Что мы имели и что мы потеряли? Что принесли нам социалисты, коммунисты, интернационалисты? Что сделали они с нашей Церковью, с нашим правопорядком, с нашей наукой, с нашим искусством, с нашим хозяйством, с нашими молодыми поколениями?

Мы должны изучать это, чтобы знать верно и точно, чтобы понять основные *причины* страшной беды и чтобы верно установить *цели* дальнейшей борьбы.

Удержите ваше негодование, ваше отвращение, горечь и ненависть. Изучайте события, прежде чем судить людей. Добивайтесь истины, не преувеличивая и не преуменьшая: истина окажется *страшной преувеличений* — но именно ей вы должны научиться спокойно смотреть в глаза.

9. И вот, всему, что мы уже испытали и еще испытаем, что постигнем в нашей *идее* и в *революционной трагедии*, мы должны неустанно учить наше молодое поколение за рубежом, готовя его нам на смену.

Не знаем сроков. Впереди огромное, ответственное, священное дело. А там, в России, молодежь развращается или гибнет.

Национальное дело строится поколениями; традицией; духовным углублением и очищением, передаваемым от отца к сыну.

Начало положим мы; а наши дети и внуки пусть завершат начатое...

10. Еще одно: не думайте, что «спасение» и «мудрость» требуют от нас возможно *скорейшего возвращения* на русскую территорию, под власть советов. Час нашего возвращения еще не настал, но придет он для *всех нас одновременно*.

Коммунисты не меняются и не «эволюционируют»; они останутся теми же до конца. Они по-прежнему ищут мировой власти через мировую революцию; по-прежнему безбожны их цели и отвратительны их средства; по-прежнему попирают они все законы человеческого духа и пользуются Россией как плацдармом для подготовки разрушения и ограбления остального человечества. Правда, поведение их извилисто и лживо; они приспособляются в борьбе и симулируют «цивилизованность». И их «хозяйственное строительство» в России, поскольку оно

не обман и не реклама, объясняется лишь тем, что революция в других странах запаздывает и что они предчувствуют возможность похода против них. Но кого же все это может обмануть?

Качество большевизма не меняется и измениться не может. Об этом они сами заботились с самого начала: для этого им нужен был террор, для этого им нужна была кровь Царя и его семьи. Эта кровь *объединила их в злодействе и спаяла их страхом*, она углубила вражду к ним до бездны и *отрезала им пути отступления*. Их корабли сожжены; они обречены на то, чтобы до конца идти на рожон. А тот, кто примет их, тот должен принять все их бесчестие и всю их кровь; тот станет их сообщником; тот им не страшен и для них безвреден.

Что же означает «возвращение» белого изгнанника к большевикам?

Они не признали родину. Что же, *он* признал интернационал? *Они* остались бандитами. Что же, *он* уверовал в бандитизм? *Они* остались безбожниками и разрушителями. Что же, *его* потянуло на разрушение и безбожие? Ибо, возвращаясь, он может быть уверен, что его или *заставят* делать гнусности и погубят духовно, или ему не дадут делать *ничего* и уморят его голодом. По-прежнему коммунисты знают только два способа обходиться с инакомыслящими: или *порабощение*, или *истребление*.

И вот, добровольно возвращающийся эмигрант должен от-
дать себе отчет в том, что он делает и на что он идет.

Своим возвращением он, во-первых, выдает большевикам публичный аттестат на доброкачественность: «они *исправились*» настолько, что «к ним идут» их принципиальнейшие враги. Этим он помогает им, но обманывает всех остальных и самого себя; и потому совершает акт в корне фальшивый и вредный.

Своим возвращением он, во-вторых, предает себя, бывшего борца, в руки злодеям. Он оказывается человеком, добровольно подавшим донос на самого себя и явившимся к отбыванию «вышей меры наказания». Если большевики убьют его, то поступок его получит значение малодушного, сентиментального и (по отношению к России) предательского *непротивленчества*. Если же они позволяют ему дышать, то надзор их все равно поставит его в невозможность работать, бороться и служить России. Поэтому возвращающийся выходит из ряда борцов; он сдает позицию без боя и совершает акт политического мазохизма.

Наше «расхождение» с большевиками совсем не «тактическое» только, как у социалистов; и не «программное» только, как у левых партий. Для нас эта борьба не сводится к «политике» и не исчерпывается «экономикой». Для нас это прежде всего вопрос *религии, духа и патриотизма*; а все остальное есть лишь необходимое последствие и проявление главного. Поэтому и вопрос о «моем переезде с одного места на другое» не имеет ни для кого из нас центрального значения. О, мы умеем любить родную землю и родной быт не меньше, чем другие! Но примирение принять «землю» без родины или «быть» без духа, *согласиться* на поругание, унижение и искоренение России, и все только ради того, чтобы подышать родным воздухом, взглянуть на родные храмы и леса и поговорить с измученными братьями (которых мы вот только что глупо предали своим возвращением)... — для этого у нас не хватает ни сентиментальности, ни подлости, ни глупости! Не хватает теперь; и не хватит до конца...

И пусть не говорят нам, что мы «боимся» вернуться. Нет, мы не боимся и не прячемся; мы только *продолжаем борьбу*. Нас не страшила смерть ни в кубанских степях, ни в одиночках «особого отдела»; не устрасит и впредь. И именно поэтому мы будем хладнокровно выжидать благоприятного момента для... нашего возвращения!

Те, кто уговаривает нас «возвращаться», *морально обязаны ехать первыми и ехать немедленно*; право уговаривать они получают только *там*, и пусть они говорят *оттуда*. Но они *сами не едут* и предпочитают уговаривать *отсюда*. Им естественно ехать туда, ибо, как они ныне сами уже признают, между ними и большевиками различие не *качественное*, а только в *степени* и в *оттенках*. Но они *не едут*, а зовут только нас.

Знают ли они, что предстоит *возвращающемуся белому*, если он не унижится до сыска и доносов? *Не могут не знать...*

Значит, сознательно зовут нас на расстрелы? Не потому ли, что боятся нас и нашего «фашизма» и *желают нам гибели?* И нашими телами рассчитывают завалить «ров гражданской войны»?

И если мы услышим еще этот лепет о том, что «*сатана* эволюционировал» и что «теперь можно уже ехать работать с ним, помогать ему, договориться с ним, служить ему... вот только бы он сам захотел пустить нас к себе» — будем спокойно слушать и молча делать выводы: ибо говорящий это сам выдает себя с головой...

Такова должна быть наша позиция и наша белая работа за рубежом...

И делая ее, мы будем уже не только верными сынами России, но и строителями ее.

И если от этого строительства Господь отзовет кого-нибудь из нас до возвращения, то последний вздох его будет принадлежать ей, нашей не утраченной родине.

И вздох этот будет послан ей не из «пустоты» и не из «темноты». Да живет же наша чудесная Россия!

